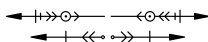

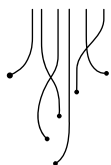

ольга шерстобитова

ДОГОВОР С ДРАКОНОМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш50

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Шерстобитова, Ольга Сергеевна.

Ш50 Договор с драконом не предлагать / Ольга Шерстобитова. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-122401-1

Никогда и ни при каких обстоятельствах не заключайте договор с драконом! Иначе вы рискуете потерять свое сердце.

Но когда во мне начала просыпаться запретная магия, разве об этом я думала? Наверное, нет, иначе не оказалась бы в древнем замке, загадочный хозяин которого проклят уже много лет. Только как бояться его тьмы, если этот благородный и сильный мужчина постоянно защищает мою жизнь и ошеломляет нежностью?

Значит, я просто шагну в объятия своего дракона и не дам ему сорваться в пропасть. Ведь когда любовь настоящая, проклятие — не самая сильная вещь на свете.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шерстобитова О.С., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-122401-1

Пролог

У самой обычной ночи существует множество оттенков. Еще вчера, когда я точно так же пробиралась по тихим коридорам на чердак, прислушиваясь к шаллившим сквознякам и старательно высчитывая скрипучие половицы, ночь казалась пепельной. С месяц назад, едва небо затянуло первыми грозowymi тучами, она была цвета черного янтаря, непроглядной и величественной. Сегодня же мне удалось выбраться из общей спальни, где отдыхали другие ученицы Иларийской академии благородных девиц, лишь за три часа до рассвета. И апрельская ночь уже раскрасилась в синевато-черные тона.

Несмотря на то что времени оставалось немного, я не удержалась и скользнула к ближайшему окну. Слегка откинула занавеску, и хрустально-серебряный, невероятно чистый свет звезд упал на пол. Если у волшебства имеется цвет, то он непременно должен содержать в себе и этот удивительный оттенок, который так щедро расплескивается вокруг.

Отступила, прислушалась и, по-прежнему старательно огибая скрипучие половицы, ступая босыми ногами, дошла до конца коридора.

Ветер ударил в стекла, зазвенела апрельская ночь, наполнилась небывалым предвкушением: скоро я до-

берусь до цели, — и невольно захотелось улыбнуться. Уже завтра никто не сможет мне запретить жить так как хочется, не придется красться на чердак, словно воришке, и поэтому эта давно наступившая ночь — особенная.

По лестнице я поднялась без проблем, а вот по этажу шла осторожно, потому что именно здесь располагались комнаты преподавательниц. Слух у большинства из них чуткий, как у кошек. Дойдя до двери директрисы — илары Дартарины Верской, — встала на цыпочки и скользнула мышкой на лестницу. Теперь самое сложное: бесшумно открыть дверь на чердак. Но за двенадцать лет с этой задачей я научилась превосходно справляться.

Еще четыре ступеньки, и я опустила на слегка пыльный пол разношенные туфельки, надела их. Пробралась между остовами старой мебели, накрытой белыми простынями, скользнула мимо сундуков и старого комода и дошла до небольшого круглого окошка, в которое ярко светила луна. Отсветы падали на старые вещи, рисовали причудливые узоры. У меня была припрятана свеча, но пользовалась я ею с большой осторожностью. Свет посреди ночи мог привлечь охрану или кого-то из учениц и наставниц, проживающих в соседнем крыле. Окна как раз располагались напротив чердачных.

Бережно поставила зажженную свечу в удачно подобранное место, присела и убрала две доски. Под ними пряталось все мое богатство: краски, кисти, бумага и папка с рисунками.

Я уселась на старую подушку, удобно расположила кисти и краски, налила из кувшина воды в кружку и достала лист бумаги. Как бы мне хотелось передать

волшебство этой звездной ночи, подобрать нужные оттенки...

Кисть заскользила по бумаге привычно и уверенно, и через мгновение я забыла о том, где нахожусь. Исчез уютный чердак, наполненный пылью, выразительная чернота ночи, которую так хотелось подцепить кончиком кисти и перенести на лист, неудобная для творчества поза... Я самозабвенно смешивала краски, окуная в них раз за разом кисть...

Иногда чудилось, будто с моих пальцев слетают искры, ложатся на рисунок, отчего краски начинают играть совсем иначе, но на то она и ночь, чтобы заставить верить в невозможное. Нет во мне магии, ни капли, иначе ее колебания давно засекали бы стражи. Я точно знала. Но волшебство можно творить иначе. Красками... Кистью, что дрожит в руках в свете единственной свечи на захламленном чердаке. Сердцем, которое верит...

Я остановилась, поняв, что рисунок получился совсем неожиданным. Видимо, разговоры о завтрашнем бале в академии имели свои последствия и я замечталась. Иначе откуда на бумаге, где только что царилась ночь с яркими звездами, появились глаза выдуманного мужчины? В них жила сиреневая тьма, украденная у волшебной, несуществующей ночи. Словно и не я рисовала, а кто-то незримый вел мою руку. Охнула, подавила смешок и отложила рисунок. В любой другой раз я бы скомкала лист, потому что задуманное не удалось, но сейчас не могла. Слишком тревожили душу эти глаза, рожденные моей кистью.

Подождав, когда рисунок высохнет, убрала его в папку. Желание забрать кисть, краски и папку с рисунками прямо сейчас было велико, но я не стала этого

делать. Рискованно... Даже слишком. Лучше поднимусь сюда во время бала, спокойно спрячу сверток в уже собранный саквояж. И тогда... никто и не узнает, что все эти двенадцать лет я тайком по ночам рисовала на чердаке. Никто не узнает, что во мне в любой момент могла проснуться опасная магия, однажды смертельно ранившая одну из дочерей императрицы. Никто не узнает, что я нарушила запрет.

Ученице Иларийской академии благородных девиц, за содержание и обучение которой платит императорская семья, нельзя рисовать. Впрочем, нельзя не только мне, но и жителям всей империи. Но разве получится даже в качестве благодарности отказаться от своей мечты?

Ответ на этот вопрос лежал в моей папке с рисунками.

Глава первая

Весь сегодняшний день в Иларийской академии благородных девиц царила невероятная суматоха. После обеда мы успели получить у директрисы дипломы об окончании, а также небольшое вознаграждение за успехи в учебе и рекомендации для поиска работы. Странно понимать, что привычная жизнь уже завтра утром закончится и начнется что-то новое, но я ждала этого с нетерпением.

Предвкушение праздника, веселый смех и шепотки наполнили коридоры Иларийской академии благородных девиц сразу после завтрака и больше не исчезали. Чувства тоже имели свои краски — яркие и теплые, казалось, разлитые прямо в воздухе. Они состояли из нежных оттенков атласа, из которых сшиты наряды, темно-коричневых — у саквояжей, приготовленных в дорогу, алых и сапфировых — у драгоценных камней. Мне безумно хотелось прямо сейчас взять в руки кисть и сохранить этот момент, оставить в своей памяти, как один из лучших.

Когда ты двенадцать лет не имеешь права покидать место учебы, разве что изредка посещать балы и спектакли в Императорском театре по приглашению либо самой правящей семьи, либо покровителей-аристократов, такое событие, как выпускной бал, никого не оставит равнодушным.

Платья для бала мы готовили заранее. Каждая сама выбирала ткань и отделку, а потом мы кроили, шили и украшали наряды. Для воспитанниц это была еще одна возможность показать приглашенным на бал гостям свое мастерство.

Я выбрала нежно-розовый гладкий атлас, хотя большинство учениц предпочли голубой, белый или золотых оттенков, стремясь подчеркнуть свою красоту.

Я понимала: скромность наряда покажет владелицу с лучшей стороны, сделает ее выгодной партией для любого мужчины, поэтому, несмотря на то, что в моде было обилие кружев и большое количество украшений, отказалась от этого. Почти год золотистой нитью вышивала сказочные розы на подоле и узком лифе, а короткие рукава сделала из кружева. На мой взгляд, получилось изящно и красиво.

Прислушиваясь к щебету и смеху подруг по учебе, надела наряд, расправила юбку. Расшитый корсаж и легкие рукава приятно подчеркнули плавные изгибы фигуры. Я не сдержалась и, пока никто не видит, покружилась перед зеркалом.

С прической провозилась чуть больше. Долго собирала непослушные волосы, красиво их укладывая и закрепляя самыми обычными шпильками и невидимками. Другие ученицы выбрали заколки с драгоценными камнями и жемчужинами, но я не хотела быть обязанной покровителям еще больше, поэтому украсила волосы бутонами белой акации. Дерево расцвело сегодняшней ночью, и тонкий нежный аромат наполнил сад.

Когда оказалась рядом с акацией, с трудом удержалась, чтобы не принести краски и не сесть рисовать

прямо на скамейке напротив. Было в этом зрелище особое очарование. Снег еще не совсем сошел, на тропинках в лужах отражалось небо с редкими облаками, а алерия уже робко выпустила первые белоснежные бутоны, возвещая о царившей весне.

— Агата, ты идешь? — крикнула Любава, заставляя меня невольно оторвать взгляд от зеркала, возле которого я стояла.

Сама она, одетая в пышное голубое платье, украшенное серебряной вышивкой, казалась невероятно хрупкой, изящной и абсолютно незнакомой. Впрочем, непривычно выглядели мы все, сменив форму воспитанниц академии благородных девиц на наряды.

Любава поправила брызги бриллиантов на шее, улыбнулась и, подхватив меня под руку, потянула к выходу из общей спальни, где ученицы готовились к балу.

Здание, где мы жили и учились, поражало величием и красотой. Стены цвета золотой дымки и белые мраморные колонны придавали особое очарование этому месту. Под потолком главным украшением служили затейливые барельефы. По широкой лестнице, сверкая драгоценностями, сейчас поднимались наряженные в платья с дорогими кружевами дамы и одетые в роскошные камзолы или фраки мужчины.

В скромном наряде я почувствовала себя немного неловко, но старательно и приветливо улыбалась, стоя наверху. Приглашенных внизу приветствовали преподавательницы и наставницы, одетые не менее нарядно, чем мы. Сдается, им тоже хотелось повеселиться, но строгие нормы этикета часто не позволяли этого.

С четверть часа мы наблюдали за приездом гостей. Любава внезапно охнула и смутилась. Я уже знала, что ее родители подписали договор о помолвке, но пока не видела Эрика Ханрийского, жениха подруги. Знала только с ее слов, что он красив, богат и учтив.

Эрик частенько навещал Любаву вместе с родителями в специально отведенные для этого часы в академии. И пусть общались они в присутствии наставницы и родственников, как и полагалось приличной иларе, это не мешало их отношениям развиваться.

Сын герцога Ханрийского чуть склонил голову, приветствуя меня. Я присела в легком реверансе, и Любава представила нас друг другу. Жених подруги оказался светловолосым голубоглазым мужчиной. Стройным и сильным. Уверенным в себе. Я разглядывала его украдкой, обмениваясь любезностями, мысленно примеряла к нему краски. Блестяще-желтый и лазурный цвета...

Последний — ледяной, как и его взгляд. И желание запечатлеть лицо этого мужчины на холсте так и не родилось. Невольно вспомнились случайно нарисованные этой ночью глаза выдуманного незнакомца. В них и то таилось больше тепла. Но счастливая подруга не замечала холода, царившего в ее женихе. Может, оно и к лучшему. Выбора у нее нет, изменить решение родителей или хоть как-то на него повлиять не получится.

Любава и Эрик поспешили дальше. Наверняка она хотела представить жениха и остальным подругам. Я же некоторое время понаблюдала за гостями и вскоре отправилась в бальный зал.

Золотая лепнина покрывала стены и частично — потолок. В многочисленных зеркалах отражались го-

сти. Порадовавшись, что никто не обращает на меня внимания, поправила выбившийся из прически русский локон, посмотрела на ярко-зеленые, сияющие глаза, на алые губы, которые искусала, и решительно скользнула в глубь зала.

Илары кокетничали с кавалерами, временами слышался веселый смех, оркестр настраивал музыкальные инструменты.

Особый бал... Так похожий на те, где мне уже приходилось бывать. И в то же время совсем иной. Полный не просто беззаботного веселья, но предвкушения и ожиданий.

На выпускном балу не раз решались судьбы многих выпускниц. Кто-то становился фрейлиной императрицы, кто-то встречал будущего мужа или покровителя, а кто-то находил работу гувернантки. Я надеялась на последнее. Четко осознавала, что для дворцовой суеты не создана ни капли, да и отсутствие денег и связей никогда не позволит оказаться вблизи императорской семьи, какое бы образование я ни получила.

По той же причине мне не светило удачное замужество, а на роль любовницы я была не согласна. Все же воспитание, которое нам прививали, дало свои плоды. Никакими другими талантами, кроме дара к рисованию, который приходилось тщательно скрывать, я не обладала, поэтому выбор был невелик: найти место гувернантки, няни, учительницы... Хорошие рекомендации от членов императорской семьи, присутствующих на экзаменах, подарили мне небывалый шанс.

Сегодняшним вечером я просто хотела немного отдохнуть, насладиться сполна тем праздником, который создали для нас наставницы.

— Подарите мне первый танец, илара...

— Агата Таринс, — представилась я, оборачиваясь и улыбаясь незнакомому молодому мужчине в кадетской форме.

— Диар Нарган, — чуть склонился он, рассматривая меня.

В этот момент заиграла музыка, и мы прошли в глубь зала. В залитом светом пространстве первый танец вызывает особое волшебство. Я буквально видела его цвет. Чуть золотистый, как у огней на богатых люстрах, с примесью того сияния, что дают бриллианты, надетые на илар.

Едва попав под власть этой танцевальной магии, я доверилась своему кавалеру, который начал развлекать меня беседой и уверенно кружил по залу.

На второй танец меня пригласил его друг — бравый кареглазый брюнет. Краем глаза заметила, как мимо буквально пролетает Алиса — прелестная шатенка с ярко-синими глазами, любимица директрисы. Она счастливо смеется, отвечая незнакомому илару, и за несколько минут танца буквально влюбляет его в себя. Мелькнули где-то рядом и другие воспитанницы в невероятно красивых платьях, а затем неожиданно появился император, и вальс моментально стих. Очарование танца разрушилось.

Глубокий реверанс — и я поднимаю глаза, и выпрямляюсь. Мир начинает расплываться, превращаться в мазки на холсте, а кончики пальцев покалывает.

Император Ренар Иларийский, которого я видела впервые, приветливо улыбнулся и галантно поцеловал руку нашей директрисе. Высокий стройный мужчина в самом расцвете сил. Черные волосы до плеч заплетены в сложную косу, отчего черты его лица выделяются четко и немного резко. Глаза — ясные, пронзительные, с неповторимым блеском.

От императора веяло величием и силой. Часть приглашенных дам охнула и едва не упала в обморок от счастья.

Любава подмигнула мне, и я невольно улыбнулась, вспоминая, что почти у всех воспитанниц хранится портрет императора, которого они обожают и боготворят, хоть ни разу и не видели.

Императрица по каким-то причинам на бал не приехала.

Ренар Иларийский пригласил на танец директрису. Илара Верская в тяжелом бархатном платье, единственным украшением которого был белоснежный, расшитый золотой нитью, кружевной воротничок, зарделась и согласилась. Вечерний макияж умело подчеркнул ее миндалевидные карие глаза в ресницах длинных ресниц, сделав красавицей. Черные волосы были собраны в аккуратную прическу.

Я почти не видела их танца, чувствуя, как мир расплывается, а окружающее пространство начинает напоминать холст, который хочется разрисовать. Решив, что это от волнения, покинула бальный зал и, набросив плащ, вышла подышать в сад, направляясь к дальней аллее.

Отсюда город, залитый огнями, казался дивным полотном. У него было столько оттенков и красок! Немного полюбовавшись им, вернулась на бал, где